

Глава 887: Если вы спросите меня, мой ответ - нет

Только старейшина Секты Долголетия понимал смысл слов Танга Тридцать Шесть.

Яд, примененный к Первому Хозяину Тангу, пришел от Чусу, а Чусу был монстром, выращенным Сектой Долголетия.

Если этот старейшина скажет Тангу Тридцать Шесть, что у его слов есть сила, ему будет сложно выдержать ярость клана Танг.

Он не смел, так что только мог сказать, что у его слов не было силы.

Танг Тридцать Шесть обратил взгляд к Принцу Сяну и другим могущественным фигурам: «Слова без малейшей силы, насколько бы они ни были трогательными, все еще остаются nonsensом. Даже в своем ужасном положении Секта Долголетия - не такие идиоты, чтобы одобрять кучу nonsensa. Я думаю, что эти же слова можно применить ко всем присутствующим».

Глава клана У посмотрел на Танга Тридцать Шесть и сказал: «Достойный племянник, твои слова немного избыточны. Это, в конце концов, дело Храма Южного Ручья».

Танг Тридцать Шесть ответил: «Сэр - мой старейшина, и говорит разумно. Так как это никак не связано ни с одним из ваших кланов, зачем делать свои позиции известными заранее? Если Имперский Двор и Ортодоксия хотят сразиться, пусть сразятся. Будет не поздно выбрать сторону, когда будет определен победитель, так зачем занимать ваши места заранее?»

Старая Леди клана Муто вздохнула: «Старый Хозяин так не сказал в своем письме».

Танг Тридцать Шесть улыбнулся: «Мадам также знает, что недавно в Городе Вэньшуй произошло кое-что. У моего почтенного старейшины, естественно, изменились мысли».

Хуай Жэнь наконец-то начала говорить.

Она спокойно сказала Тангу Тридцать Шесть: «В конце концов, это все еще дело моего Храма Южного Ручья. Хотя позиция других тоже очень важна, она не является критической».

Танг Тридцать Шесть улыбнулся ей и спросил: «Учитывая это, зачем Госпожа позвала так много людей, чтобы прибавить к своему престижу?»

Разъяренная Хуай Би закричала: «Какое у тебя, чужака, есть право критиковать дела моего Храма Южного Ручья!»

Хуай Жэнь дала ей знак, чтобы она перестала говорить, после чего сказала Тангу Тридцать Шесть: «Я знаю, что тебе всегда казалось, что Святая Дева передала управление храма двум ученицам перед началом уединения, а мы, старейшины, вернувшиеся после путешествия по миру, не должны принимать участие в таких делах, особенно в чем-то настолько крупном, как закрытие храма. Я верно говорю?»

Она сказала эти слова Тангу Тридцать Шесть, и, естественно, Чэнь Чаншэну, Секте Меча Горы Ли и Поместью Древа Ученых.

Танг Тридцать Шесть почувствовал, что что-то было не так. Он нахмурился, но не дал 'да' или 'нет'.

«Пин Сюань, И Чэнь, прежде, чем Святая Дева начала уединение, она издала указ, что вы можете управлять храмом».

Хуай Жэнь тепло сказала: «Перед нашими собратьями даосистами мира, я спрашиваю вас: вы соглашаетесь или нет на закрытие храма?»

Когда она сказала это, многие взгляды пали на учениц Храма Южного Ручья перед толпой. Культиваторы Секты Меча Горы Ли, Поместья Древа Ученых и всех других присутствующих сект знали, что это были Пин Сюань и И Чэнь, люди, которых Святая Дева лично выбрала, чтобы заниматься вопросами храма.

Услышав это, Е Сяолян и другие молодые девушки Храма Южного Ручья переглянулись с приятным удивлением. Ее старшие сестры - или, возможно, лучше будет сказать 'их боевые тети' - естественно, не согласятся.

Танг Тридцать Шесть вдруг почувствовал беспокойство.

У Пин Сюань было бледное лицо, и она не говорила в течение очень долгого времени.

Она вспомнила длинный разговор, который у нее был с ее учителем Хуай Жэнь прошлой ночью, подумала о том, как ее учитель говорила о традиции, существующей века, о том, что существование дао храма было на кону, вспомнила решительность и смелость, продемонстрированную ей, когда она заявила, что готова умереть ради правого дела. Она не знала, что делать. Если полагаться на ее собственные желания и понимание Святой Девы, она, естественно, должна возразить, но не будет ли это приговором ее учителя к смерти перед миром?

И Чэнь столкнулась с аналогичной ситуацией. Она вспомнила умиротворенное и твердое выражение лица своего учителя прошлой ночью, и ее сердце дао постепенно заколебалось. Она не могла поддерживать спокойное выражение лица, и с ее глаз начали капать слезы. Она молча извинилась перед Святой Девой и пробормотала: «Я согласна».

Пин Сюань взглянула на нее, ее губы дрожали. Она хотела сказать что-то, но в конечном итоге сохранила молчание.

Плато стало невероятно тихим. Не было звуков кроме шелестящих белых храмовых форм.

Толпа была глубоко шокирована. Даже Принц Сян и два главы клана не ожидали, что эти две старшие сестры второго поколения, отвечающие за дела храма, согласятся на закрытие храма.

Хуай Жэнь посмотрела на них с облегчением на лице, говоря с добротой: «Вы обе - хорошие ученицы, поддерживающие своего учителя».

Все замерли. Всё было решено.

Никто не ожидал, что в это время встанет непримечательная девушка Храма Южного Ручья.

Будь это на юге или в столице, очень мало людей в мире культивации узнало ее.

Е Сяолян дала о себе знать.

Затем она поклонилась до земли, говоря, собрав всю храбрость: «Три моих боевых великих тети, я не соглашаюсь с закрытием храма».

Хуай Би хмыкнула и закричала: «Что за дерзость! Жалкая ученица третьего поколения смеет спешить влезать в дела храма? Отступи!»

В этот миг несколько десятков учениц встало и поклонилось до земли за Е Сяолянью.

Все эти ученицы следовали за Сюй Южун к Горе Хань, а затем в столицу, где они оставались в Ортодоксальной Академии на очень долгое время.

«Я прошу Боевую Великую Учительницу обдумать этот вопрос!»

«Я прошу Боевую Великую Тетю отозвать этот приказ!»

Хуай Би была удивлена видеть, что так много младших учениц встало, сопротивляясь решению, и палец, которым она указывала на них, начал дрожать.

Хуай Шу увидела, что среди учениц было два юниора, насчет которых у нее был оптимистический настрой, так что она была глубоко разочарована. Ее сердце начало болеть.

После этого зрелища Хуай Жэнь вспомнила свой разговор с Чэнь Чаншэном прошлой ночью, и стала несколько рассеянной.

Но вскоре она подумала о реках крови, которые потекут, как только начнется война, и быстро вернула свою решительность. Она сказала ученицам: «Храм Южного Ручья - это не только его ученики, но и наследие, передаваемое последовательными поколениями учителей и учеников. Если вы не желаете оставаться в храме, вы можете уходить. Предположительно, Ортодоксальная Академия или Дворец Ли примут вас».

Значение этих слов было кристально ясным. Если эти ученицы будут настаивать на закрытии храма, они будут изгнаны из Пика Святой Девы и потеряют свой статус учениц Храма Южного Ручья!

У Е Сяолянью и ее подруг были жалкие выражения лиц, и они больше ничего не говорили. Они не желали быть отрезанными от мира, но кто мог понести мучение от изгнания из секты?

В этот миг мнения Храма Южного Ручья наконец-то были объединены под твердыми методами тремя боевыми великими тетями. Никто не озвучивал свои возражения.

Принц Сян встал и улыбнулся: «Мои поздравления сестрам даосистам за решение покинуть распри светского мира. Возможность сосредоточиться на культивации действительно достойна зависти».

С этими словами бесчисленные культиваторы встали и поздравили Храм Южного Ручья.

Только Секта Меча Горы ли и Помесье Древа Ученых хранили молчание. Бай Кай был так зол, что хотел что-то сказать, но был остановлен Гоу Ханьши.

Танг Тридцать Шесть вернулся к своему месту. Он прищурил глаза, глядя на всегда умиротворенную Хуай Жэнь, вероятно, думая о чем-то.

«Уединение - это порочный путь, последнее решение Святых. Если это так достойно зависти, почему Ваше Высочество покинул уединение в этом году?»

Над плато прозвучал голос.

Голоса на плато постепенно затихли, из-за чего этот голос стал еще более ясным.

Это был очень спокойный и безразличный голос, голос несравненной решительности.

«Если вы спросите меня, можно ли закрывать храм или нет, мой ответ, естественно, - 'нет'».

Разозленная этими словами, Хуай Би повернулась и закричала: «Кто сказал 'нет'?»

«Я».

Чэнь Чаншэн встал и посмотрел на нее: «Потому что никто из вас не спрашивал меня, так что мне придется встать и ответить».

На плато поднялся шум, и бесчисленные взгляды были обращены на него.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/281743>